

Письма князя Дмитрія Александровича Хилкова.

Нѣсколько словъ объ авторѣ писемъ.

Въ первыхъ числахъ октября 1914 г. на одномъ изъ склоновъ Карпатъ, близъ мѣстечка Долина, въ раннемъ утреннемъ бою съ австрійцами палъ смертью героя войсковой старшина 3-го Хоперскаго казачьяго полка, князь Дмитрій Александровичъ Хилковъ.

Русское общество, знавшее князя, а знали его очень много, было немало поражено газетною вѣстью объ этомъ. Поразило не то, что на войнѣ убили такого-то князя, а то, что вдругъ князь оказался на войнѣ... Для большинства это казалось страшной непослѣдовательностью со стороны Дмитрія Александровича. Въ самомъ дѣлѣ: бывший „ярый толстовецъ“, затѣмъ не менѣе „ярый революціонеръ“ — и вдругъ оказался на войнѣ...

Оказался на войнѣ не потому, что его призвали, и не для того, чтобы не обвинили его въ отсутствіи патриотизма и въ нелояльности, но именно потому и для того, чтобы умереть за дорогую родину, за свободу и счастье Россіи и славянства.

То, что для другихъ — страшная непослѣдовательность, для Дмитрія Александровича — самая необходимая и гармоническая послѣдовательность.

Причудлива схема жизни его: 1) Блестящій пажъ и лейб-гусарь, очень набожный православный христіанинъ. 2) Начальникъ казачьей охотничьей сотни и видный участникъ русско-турецкой войны. 3) „Ярый толстовецъ“. Отрицаетъ православіе, государство, войну, раздаетъ свою собственность, самъ пашетъ землю... 4) Революціонеръ. 5) Врагъ церковно-

сти, крайній индивидуалистъ, покровитель религіозныхъ сектъ. 6) Апологетъ церковности, вѣрный сынъ Православія и почти затворникъ въ глуши и тиши своего хутора. 7) Вновь казакъ и герой нынѣшней войны.

„Сколько разъ,—пишетъ одно лицо, очень близкое къ покойному князю,—я повторялъ себѣ, глядя на эту жизнь, чудную мысль Ральфа Эмерсона: да, дѣйствительно, жизнь человѣческая не система, не откристаллизовавшаяся и закончившійся фактъ, а вѣчный процессъ. Все течетъ, и человѣкъ тоже никогда не бываетъ законченъ и готовъ.—Это, можетъ быть, гораздо достовѣрнѣе, чѣмъ то, что земля и солнце совершаютъ свое движеніе. Во всякомъ случаѣ, жизни нельзя крикнуть: Жизнь стань! Вы этого достигнете только тогда, когда умертвите ее“.

Димитрій Александровичъ жилъ живою жизнью. Онъ сдѣлалъ массу ошибокъ, онъ долгіе годы блуждалъ въ ужасныхъ потемкахъ, онъ во многихъ отношеніяхъ былъ „блуднымъ сыномъ“. Но какъ „было не радоваться“ тѣмъ, кто видѣлъ, что онъ „пропадалъ и нашелся“! Его жизнь, посвященная въ значительной части своей борьбѣ и возстанію на родную вѣру и Церковь, закончилась чуднымъ „Помилуй мя Боже“ и затѣмъ восторженнымъ и искреннѣйшимъ гимномъ „родному Православію“ (любимое выраженіе Димитрія Александровича).

Возвращаясь на склонѣ своихъ лѣтъ изъ „страны далечей“ на духовную родину, онъ имѣлъ полное право повторить о себѣ слова пророка Іереміи: „Ты влекъ меня, Господи,—и я увлеченъ; Ты сильнѣе меня—и превозмогъ“ (Іер. 20, 7).

Кто же изъ бывшихъ его сосѣдей и друзей по толстовству и революціонизму, кто станетъ винить его за то, что онъ послушался своей совѣсти и Бога, влекшаго его къ Церкви? Развѣ въ другихъ случаяхъ они не вспоминаютъ словъ А. Толстого:

„Надъ вольной мыслью Богу не угодны
Насиліе и гнѣтъ.
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ“...

Князь Хилковъ, по велѣнію своей неподкупной, свободной и мужественной совѣсти, возвратился ко Христу, про-

повѣдуемому Православною Церковью. Объ этомъ опредѣленно и настойчиво говорятъ всѣ его письма послѣднихъ лѣтъ. Ни умалить, ни замолчать этого факта мы не можемъ, Мы должны только преклониться предъ нимъ и, при свѣтѣ его, испытующимъ и контролирующимъ окомъ обойти углы своей жизни. Возвращеніе Дмитрія Александровича должно молніей озарить многія жизни, многихъ должно дѣйствительно поразить: не то должно поразить ихъ, что Хилковъ возвратился, а то, что они все еще топчутся на своемъ мѣстѣ, какъ будто чѣмъ-то спутанные, чѣмъ-то запуганные, боязливые...

Фамилія и титулъ Дмитрія Александровича—говорять о его высококомъ аристократическомъ происхожденіи. Родился онъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Окончивъ Пажескій Корпусъ, онъ поступаетъ на службу въ Лейбъ-Гусарскій полкъ, что стоитъ въ Царскомъ селѣ. И въ Корпусѣ, и въ полку Д. А—чѣ замѣтно выдѣляется своей интеллигентностью, набожностью, талантливостью, удивительнымъ изяществомъ манеръ, прекраснымъ даромъ рѣчи. Онъ замѣчательно умѣетъ всѣмъ нравиться,—говорили о немъ вездѣ. Ему легко можно было сдѣлать „блестящую карьеру“. Но его совершенно не тянетъ въ эту сторону. Въ его душѣ развивается то самое критическое отношеніе къ жизни нашего „общества“, которое имѣло мѣсто у Л. Толстого. Здѣсь, повидимому, надо искать точекъ психическаго соприкосновенія между этими двумя личностями. Они не выносили этого „общества“ по одинаковымъ побужденіямъ. Вообще, и къ Толстому, и къ Хилкову много общихъ ключей. Они начали одинаково, только кончили по разному. — „Впрочемъ, будь Толстой болѣе свободенъ отъ угнетающаго вліянія нѣкоторыхъ своихъ поклонниковъ,—говаривалъ Д. А—чѣ,—у которыхъ такъ тупы были и умъ и сердце, будь онъ не связанъ своею „толстовскою славой“, онъ, несомнѣнно, раньше выѣхалъ бы изъ Ясной Поляны въ Оптину пустынь“...

Когда началась турецкая война (1877 г.), Д. А—чѣ съ величайшей радостью принимаетъ приглашеніе принца Ольденбургскаго и князя Г. Орбеліани ѣхать въ Кавказскую дѣйствующую армію. Онъ проявляетъ на войнѣ большое мужество и блестящія способности по командованію, становит-

ся у начальства на отличномъ счету. Д. А—чь просить дать ему отрядъ изъ штрафованныхъ казаковъ, предназначавшихся чуть ли не въ исправительныя роты, создаетъ изъ нихъ охотничью команду, совершаетъ съ нею рядъ великолѣпныхъ военныхъ дѣлъ, главнымъ образомъ, по развѣдкѣ, изъ штрафованныхъ дѣлаетъ „людей“ и образцовыхъ солдатъ, заслуживаетъ всеобщую любовь...

Дальше начинаются его увлеченія духоборчествомъ, съ которыми онъ познакомился на Кавказѣ. Духоборы плѣняютъ его строгостію своей жизни. Это,—можетъ быть, въ связи съ нѣкоторыми личными эпизодами военной жизни,—весьма располагаетъ увлекающуюся и въ то же время очень экспансивную натуру Д. А-ча въ пользу ихъ ученія. Здѣсь, подъ вліяніемъ рѣзко отрицательнаго отношенія духоборовъ къ Православію, у князя, тогда такъ мало и поверхностно знакомаго съ православнымъ ученіемъ, въ чемъ онъ самъ нерѣдко сознавался, зараждается и накапливается недовольство своею вѣрой. Одновременно, подъ вліяніемъ политическихъ взглядовъ духоборовъ, князь начинаетъ рядъ рѣзкихъ выступленій въ сферѣ полковой жизни и службы. Это была въ его жизни полоса особой раздражительности и общаго недовольства. „Вулканическій періодъ“... Статьи Толстого о религіи и государствѣ падаютъ въ его душу, какъ горячія головни въ порохъ. Слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько взрывовъ. Князь возвращается домой въ родныя Павловки, Сумскаго уѣзда, Харьковской губ., почти даромъ раздаетъ свою землю крестьянамъ, устраиваетъ изъ нихъ хуторъ, Князевъ, хочет наладить настоящую толстовскую жизнь, самъ пашетъ, возить на поля навозъ, всему этому отдается искреннѣйшимъ образомъ... Одновременно ведетъ настоящую войну противъ Православія, увлекается полемикой съ мѣстными священниками и миссіонерами. Начинаются массовыя совращенія народа въ сектантство. Въ это время онъ является воистину „жестокимъ гонителемъ“ той Церкви, которую потомъ съ такой нѣжностью называлъ „родною“.

Затѣмъ слѣдуетъ высылка князя сначала въ Закавказье ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь произошло трагическое событіе въ семейной жизни Д. А—ча: его мать увезла отъ него его 2-хъ дѣтей—сына (Бориса) и дочь (Ольгу), которые съ того времени и жили у бабушки. Потомъ у него родились еще:

потомъ въ Вейссенштейнѣ, что въ Прибалтійскомъ краю, наконецъ, за границу, гдѣ онъ живетъ то въ Англии, преимущественно въ графствѣ Эссексъ, то (немного) во Франціи, то въ Швейцаріи. Послѣ неудачныхъ попытокъ основать въ Эссексъ толстовскую колонію, Д. А—чъ, неудовлетворенный толстовскимъ пассивизмомъ, который не отвѣчалъ его темпераменту и возрасту, вскорѣ переходитъ въ лагерь революціонеровъ.

Прихотливо это, повидимому, и мало понятно, но уже около этого времени въ князѣ начинается поворотъ къ болѣе мягкому отношенію къ Православію. Это явствуетъ изъ нѣкоторыхъ его писемъ къ своимъ послѣдователямъ, крестьянамъ села Павловокъ. Совершившійся въ 1901-мъ г. разгромъ въ Павловкахъ церкви-школы мѣстными сектантами—потрясаетъ Д. А—ча. Вначалѣ онъ пытается объяснить этотъ ужасный случай провокаціей, но потомъ, убѣдившись, что ничего подобнаго не было, онъ приходитъ къ заключенію, что „сектантство можетъ имѣть роковое значеніе въ жизни русскаго народа“, что „русскій человѣкъ—по природѣ православный“, и „если его лишитъ православныхъ вѣрованій, то онъ рискуетъ перестать быть человѣкомъ“.

Село Павловки и окрестности, гдѣ нѣкогда сектантствоваль Д. А—чъ, и теперь представляютъ печальную картину религіозной жизни. Сектантство и религіозный нигилизмъ разъѣдаютъ ихъ. Даже возвращеніе князя въ Церковь мало повліяло на нихъ. По словамъ одного лица, долго жившаго въ той мѣстности, трудно встрѣтить гдѣ-нибудь худшее настроеніе народа. Тамошніе крестьяне—„какіе-то кретины въ смыслѣ религіозности“, и „можетъ быть, только долгіе годы и рядъ добрыхъ пастырей смогутъ ихъ хотя немного привести ко Христу“.—Все это зналъ Д. А—чъ и понималъ, какая громадная доля вины лежитъ на его совѣсти.

Интересную характеристику личности Д. А-ча и его жизни послѣднихъ лѣтъ даетъ священникъ о. Николай Чепуринъ, находившійся съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ съ покойнымъ

сынъ (Александръ) и дочь (Елизавета). Теперь старшій сынъ—офицеръ, младшій—учится въ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ. О дочеряхъ сказано ниже.

княземъ и оказавшій на послѣдняго значительное и доброе духовное воздѣйствіе. Вотъ что находимъ мы въ краткихъ личныхъ воспоминаніяхъ о. Николая о его почившемъ другѣ:

„Я былъ знакомъ съ княземъ только съ 1905 г.,—разсказываетъ о. Николай.—Въ это время я служилъ приходскимъ священникомъ въ Павловкахъ. Въ концѣ ноября этого года онъ вернулся изъ-за границы, и мы сразу-же познакомились въ домѣ его матери. До конца моей службы на югѣ, т. е. до 1911 г., мы очень часто бывали другъ у друга, чаще я у него; проводили долгіе часы за самыми оживленными бесѣдами, никогда не споря, а въ случаяхъ разногласія только прося другъ друга „еще подумать по этому вопросу“; другъ друга снабжали книгами, обмѣнивались продуктами своихъ хозяйствъ, дѣлили много радостей, а еще больше горестей, вызываемыхъ сильно развивавшимся тогда разваломъ народной жизни. Послѣ моего перехода на сѣверь ¹⁾, мы съ княземъ постоянно переписывались. Что ни письмо, то замѣчательный документъ удивительно глубокой мысли и высокаго религіознаго чувства. Нерѣдко онъ присылалъ мнѣ „на просмотръ“ свои работы, чтобы затѣмъ „сдѣлать съ ними, что найду нужнымъ“. Въ этихъ письмахъ и сочиненіяхъ покойный вполне ясно и опредѣленно высказалъ свои убѣжденія и вѣрованія. Нѣкоторыя изъ нихъ были всегдашними его вѣрованіями и убѣжденіями, къ остальнымъ онъ пришелъ подѣ конецъ своей жизни, начиная съ 1904—1905 г.

Въ послѣднихъ числахъ прошлаго августа Д. А-чъ пріѣхалъ въ Петроградъ, чтобы вновь поступить въ родной ему Кубанскій 3-й Хоперскій полкъ, съ которымъ онъ и ушелъ въ Галицію. Живя въ столицѣ въ ожиданіи приказа и готовя себя обмундировку, Д. А-чъ почти ежедневно бывалъ у меня, а когда ему нельзя было пріѣхать ко мнѣ, я пріѣзжалъ къ нему въ „Палэ-Рояль“ на Пушкинской. Все это было настолько недавно, что, кажется, въ моей квартирѣ все еще звучитъ его мягкій, мелодичный голосъ. Говорить сидя онъ почти не могъ, а—или стоя, или ходя, удивительно красиво жестикулируя, всегда съ улыбкой, то мягкой, радостной, то сухогрустной. Искусственности я никогда не

¹⁾ Въ Петроградъ.

замѣчалъ въ немъ. Это былъ человѣкъ весьма рѣдкой внѣшней и внутренней красоты, искренности, непосредственности и твердости... Въ своихъ заблужденіяхъ онъ всегда былъ искренень и честенъ. Онъ ни минуты не могъ оставаться съ тѣмъ, во что переставалъ вѣрить. Если вѣрилъ, такъ вѣмъ существомъ; если переставалъ, такъ никогда не лицемерилъ и не притворялся.

Чѣмъ бы ни увлекался князь, онъ никогда не былъ рабомъ своихъ увлеченій. Въ самый разгаръ своего толстовствованія онъ, несмотря на упреки остальныхъ толстовцевъ и, кажется, самого Толстого, оказывалъ юридическую помощь мѣстному населенію, чего не долженъ бы дѣлать „правовѣрный толстовецъ“, отрицающій государственныя институты, съ его судами, адвокатами и проч. Ставши изъ толстовца - непротивленца противленцемъ - революціонеромъ, Д. А-чъ и здѣсь постоянно вызывалъ недовольство своими „углами“, не вкладывавшимися въ рамки обычной посредственности. Онъ сразу увидѣлъ, что въ центральномъ революціонномъ комитетѣ „дѣла дѣлаются весьма нечистыми руками“. Провокація и предательство свили себѣ тамъ прочное гнѣздо. „Однажды,— говорилъ Д. А-чъ,— я предложилъ комитету такой способъ для конспиративной переписки, который, кромѣ посвященныхъ, никогда и никто не могъ бы разобрать. Несмотря на всѣ преимущества моего шифра, его отвергли нѣкоторые главы комитета и оставили тотъ, съ которымъ очень многіе ловились... Тогда я окончательно убѣдился, что здѣсь предають и продають другъ друга“. Онъ видѣлъ, что значительная часть средствъ, поступавшихъ въ распоряженіе революціонныхъ дѣятелей, шла не „на спасеніе отечества, а на рулетку, на кабарэ и шантаны“... Когда его однажды спросили, послѣ нѣкоторыхъ принципиальныхъ споровъ, какое правленіе онъ хотѣлъ бы ввести въ Россіи послѣ революціи, онъ сказалъ громко и твердо: „настоящее самодержавіе, вотъ, примѣрно, какъ у духоборовъ. Таковъ мой идеалъ“! Понятно, что такой „странный“ для революціонера отвѣтъ вызывалъ общее недовольство. Идейная рознь князя съ своими „компатріотами“ вскорѣ обнаружилась еще рѣзче, къ ней присоединилась радикальная рознь во взглядахъ на позволительность „экспропріацій для партійныхъ цѣлей“... И князь послалъ письменное заявленіе комитету, что онъ

не можетъ оставаться въ немъ ни минуты! Это случилось какъ разъ къ концу 1905 г. Послѣ выхода изъ комитета онъ вернулся изъ эмиграціи въ Россію.

Съ этого времени онъ почти безвыѣздно живетъ на своемъ Княземомъ хуторѣ, занимаясь садомъ, пчеловодствомъ, посѣвами, постоянно помогая крестьянамъ во всемъ, въ чемъ только могъ.

Въ 1905—7 г.г. Д. А-чъ въ религіозныхъ своихъ убѣжденіяхъ былъ большимъ индивидуалистомъ. Идея церковности была ему еще слишкомъ чужда. Въ этомъ отношеніи у него не хватало какъ будто соответствующаго органа воспріятія.

Онъ увлекался буддѣйской религіозной мыслью, іогами, оккультизмомъ, Безантъ. Затѣмъ онъ увлекается Джемсомъ, позднѣе англичаниномъ Бенсономъ и французомъ Анри Бергсономъ. Изъ западныхъ мыслителей и богослововъ на князя, наибольшее вліяніе оказывали англичане. Письма князя о немъ, замѣтка въ „Вѣрѣ и Разумѣ“ (ноябрь—декабрь 1914 г.), достаточно вырисовываютъ ту медленную эволюцію, которая совершалась въ князѣ за послѣдніе годы, и которая закончилась всецѣлой преданностью церкви. А между тѣмъ, еще въ 1906—7 г.г. онъ признавалъ насиліемъ надъ чело-вѣческой совѣстью даже проповѣдь людямъ своихъ убѣжденій, а „единство вѣры и познанія Сына Божія“ (Еф. 4, 13) приводило его въ ужасъ. Знакомство съ святоотеческой литературой и лучшими трудами нашихъ русскихъ духовныхъ писателей все больше и больше примиряли его съ Церковью и Православіемъ, противъ которыхъ онъ накопилъ въ себѣ столько предубѣжденія и, пожалуй, озлобленія въ прежніе годы. Я не касаюсь его прежней религіозной дѣятельности. Это потому, что она достаточно обрисована въ трудахъ, напр., Терлецкаго, Давиденко, Буткевича и др. Къ сожалѣнію, всѣ они писали не безъ полемическаго гнѣва и сгущенія красокъ. Я не замѣчалъ въ Д. А-чѣ „духовной гордости“, въ которой винять его, кажется, всѣ духовные писатели. Но несомнѣнно, что онъ принадлежалъ къ той породѣ людей, которая, какъ пишетъ Вина, желаетъ не получить, но добыть истину. Разъ понявъ эту особенность Д. А-ча, можно было всегда оказывать на него свое вліяніе. Онъ говорилъ мнѣ много разъ: „если-бы вы, о. Николай, тогда были въ Павловкахъ священникомъ, когда все это несчастье вышло,

то ничего этого не было бы...“ — Подъ конецъ, когда я уже видѣлъ Д. А-ча достаточно окрѣпшимъ въ церковномъ настроеніи, я привелъ ему на память его грѣхъ „все самому установить и только тогда принимать“... Результатомъ этого были его гимны „церковному послушанію“ и война противъ „отсебятины“, которыми наполнены многія его письма. Затѣмъ я знаю, что весьма расположилъ его къ Православію мой категорическій отказъ хоронить по православному его вторую дочь, Елизавету. Она не была крещена, жила съ матерью въ Тифлисѣ, и тамъ отравилась. Тѣло ея привезли въ Павловки. Экзархъ Грузіи Иннокентій разрѣшилъ ее хоронить по православному, и ее, дѣйствительно, отпѣли въ Тифлисѣ. Я не могъ хоронить ее по православному — и отказался. Не могъ потому, что она не была христіанкой. За это супруга князя и ея родственники пожаловались на меня, чрезъ Намѣстника, Столыпину, вина меня въ фанатизмъ, непослушаніи экзарху и проч.; начинается противъ меня дѣло. Князя все это крайне возмущаетъ. Онъ правильно понимаетъ мой поступокъ. И съ того времени мы еще больше сближаемся. А признаться, я очень опасался, чтобы мой отказъ хоронить его дочь не возстановилъ его противъ меня. Но, повторю, онъ — слава Богу — понялъ мои мотивы.

Послѣдніе годы жизни князя не богаты внѣшними событиями. Онъ занимается хозяйствомъ, ведетъ келейный образъ жизни. Но изъ своего „далека“ зорко слѣдитъ за жизнью Россіи и всего міра и, какъ видно изъ его писемъ, на все спѣшитъ откликнуться,

Здѣсь, на своемъ хуторѣ онъ тщательно изучалъ православную и сектантскую литературу, переписывался по религиознымъ вопросамъ съ множествомъ самыхъ разнообразныхъ лицъ: православныхъ, католиковъ, баптистовъ, хлыстовъ, ново-израильтянъ и, др. Среди этихъ дѣлъ онъ почти одновременно потерялъ двухъ милыхъ красавицъ-дочерей ¹⁾.

¹⁾ Обѣ его дочери, Ольга и Елизавета, покончили съ собой. Имъ пришлось быть между тремя совершенно различными и антагонизирующими влияніями: бабушкинымъ, отца и матери. Въ результатѣ этихъ трехъ вліяній у нихъ обѣихъ въ душѣ ничего не оставалось, никакой вѣры, никакихъ убѣжденій, кромѣ страшнаго хаоса и недовольства. Первая не выдержала этого старшая дочь — Ольга, которая переживала это сознательно и потому мучительнѣй. Весною 1910-го года она кончаетъ съ

Я знаю, это расположило князя еще настойчивѣй взяться за „просмотръ всей своей жизни“, какъ говорилъ онъ.

Его письма ко мнѣ и къ другимъ лицамъ ясно и опредѣленно говорятъ объ его полномъ примиреніи съ „родною Церковью“. Больше того, онъ сталъ усерднѣйшимъ апологетомъ ея, въ лучшемъ смыслѣ, съ лучшими чувствами и намѣреніями. Его религиозное настроеніе близко подошло къ настроенію Хомякова, Самарина, хотя онъ не читалъ ихъ до послѣдняго времени. Есть у него письма, написанныя прямо святоотеческимъ языкомъ. Въ возвращеніи князя къ православію сколько выразилось достоинства, искренности, духовной красоты и настойчивости! Надо сказать, что это нелегко произошло для него. Правда, князю не надо было съ нажимами возвращать себя въ Церковь; онъ возвратился въ нее по глубокому и сильному внутреннему влеченію, „выходящему,—какъ любилъ говорить онъ,—изъ подсознательной области“. Онъ не навинчивалъ на себя православныхъ вѣрованій, какъ нѣчто внѣшнее: они сами выростали изъ корней его души.—„Я думаю,—любилъ онъ повторять,—что русскій человѣкъ по природѣ своей не только христіанинъ, но притомъ православный христіанинъ, а я—очень русскій человѣкъ“. Но князю долгое время мѣшали найти въ себѣ самого себя. И всякаго рода сектанты, и католическіе патеры усиленно „сманывали“ его къ себѣ. Это „сманываніе“ было для него чрезвычайно непріятно... Я неоднократно слышалъ отъ него сѣтованія по этому поводу.

Въ прошлую русско-турецкую войну, въ которой участвовалъ Д. А.—чъ, состоя начальникомъ охотничьей казачьей сотни въ районѣ между Карсомъ и Эрзерумомъ, пули много разъ летали возлѣ его головы и груди, обжигая черкеску и волосы на затылкѣ и вискахъ, но все пролетали мимо.—„Не доходили“,—говаривалъ князь. И дошли только теперь, въ великую отечественную войну, у предгорья Карпатъ, давъ пожить ему слишкомъ тридцать лѣтъ, пожить такою кипучею жизнью, полной самыхъ напряженныхъ исканій, самой

собой въ Питерѣ. Осенью того же года это дѣлаетъ съ собой Елизавета въ Тифлисѣ. Эти два событія потрясли князя, хотя видимо онъ оставался совершенно спокойнымъ. Онъ увидѣлъ, что такъ, какъ его дочери, погибнетъ вся страна, если ей не дадутъ вѣры, если чьи-нибудь надежныя руки не возьмутся за ея воспитаніе.

тяжелой борьбы, иногда среди величайших заблуждений, но всегда честно, рыцарски и подвижнически. Подъ конецъ его жизни, ему приходилось слышать кое отъ кого упреки за то, что онъ вновь сталъ сыномъ родной Православной Церкви, что уговорилъ сыновей посвятить себя военной или государственно-общественной службѣ и страшно возмущался, почему мы не воевали съ Австріей еще тогда, когда она аннексировала Боснію и Герцеговину. Его не понимали и потому готовы были винить въ измѣнѣ старымъ взглядамъ... Д. А.—чѣ никогда не шелъ противъ своихъ убѣжденій. И если пришелъ къ тому, къ чему пришелъ въ послѣдніе годы, значить, „такъ дано было мнѣ свыше“, „такъ пожелалъ того Господь“,—говорилъ онъ,—„я не отсебятникъ, а вѣрный сынъ Высшей Правды, за которой хотѣлъ итти всю мою жизнь“.

Въ своей замѣткѣ о Д. А. Хилковѣ И. Л. Толстой передаетъ чье-то предположеніе, будто „князь искалъ на войнѣ смерти“. Я думаю, здѣсь надо выразиться иначе.

Я хорошо знаю, съ какимъ настроеніемъ онъ ѣхалъ въ дѣйствующую армію.—„Жито и пшеницу я уже посѣялъ на своемъ хуторѣ, —говорилъ онъ мнѣ при первыхъ привѣтственныхъ словахъ,—теперь свободенъ и вотъ пока-что рѣшилъ побывать на войнѣ“. Да, Димитрій Александровичъ не боялся смерти и охотно шелъ навстрѣчу ей, но ворваться сквозь врата смерти въ ту жизнь незванымъ, непрощенымъ онъ не могъ. Не могъ потому, что слишкомъ былъ послушенъ волѣ Господней. Да, онъ имѣлъ большое желаніе „умереть по военному“, отдать свою жизнь за горячо любимую родину. Лучшей смерти для себя онъ не представлялъ. Къ тому же и „посѣвной періодъ“ его жизни, какъ онъ чувствовалъ, былъ уже свершенъ. На вопросъ моей жены, не страшно ли ему ѣхать на войну, вѣдь, тамъ могутъ убить, Д. А.—чѣ отвѣтилъ:

— Если это надо, я съ радостью умру. Умереть на войнѣ будетъ для меня величайшей милостью Бога.

И Господь послалъ ему эту милость. Для жизни его нельзя было придумать лучшаго конца. Рыцарь безъ страха и упрека, христіанинъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ, какъ рыцарь-христіанинъ, раннимъ утромъ вмѣстѣ съ чистой росой, при первыхъ лучахъ яркаго солнца, поднялся въ небесную высь.

Этими „воспомяніями“ о. Николая, любезно предоставившаго намъ ихъ, мы и закончимъ нашъ краткій очеркъ о Д. А. Хилковѣ.

Михаилъ Новоселовъ.

Р. С. Изъ всего вышесказаннаго о Д. А. Хилковѣ, какъ ни незначительно оно сравнительно съ необычайно богатой жизнью этого человѣка. ясно, какой огромный интерес должны представлять письма покойнаго князя, вводящія насъ во внутренній міръ его духовной жизни. Естественно, что въ этихъ глубоко-поучительныхъ письмахъ окажутся мѣстами мысли разной цѣнности и истинности. Уклоненіе иныхъ изъ этихъ мыслей отъ „образа здравыхъ словесъ“, содержимыхъ и возвѣщаемыхъ Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церковью — Православной, изрѣдка встрѣчающееся въ письмахъ Д. А.—ча, не умаляетъ глубокаго и серьезнаго значенія послѣднихъ. Эти сравнительно незначительные недостатки искупаются въ высшей степени положительными, крупными достоинствами. На фонѣ послѣднихъ самые недостатки иногда пріобрѣтаютъ своеобразную цѣнность, раскрывая передъ читателемъ послѣдовательный ростъ души, влекшейся Христомъ, медленно, но твердо шедшей за Нимъ и въ концѣ концовъ пришедшей къ Нему и Святой Его Церкви.

М. Н.

Письма къ Я. И. К—чу.

11-го іюня (1907 или 1908 г.)¹⁾.

I.

Дорогой Я. И., получилъ Ваше письмо второе и сажусь отвѣчать, такъ какъ еще не отвѣтилъ и на первое. Насчетъ вашей просьбы, — къ сожалѣнію, не могу исполнить, такъ какъ самому приходится довольно круто. Масса построекъ, передѣлокъ, а „непредвидѣнные“ расходы сыпятся, какъ снѣгъ на голову.

Насчетъ брошюры скажу Вамъ, что она есть изложеніе ученія „духовныхъ христіанъ“, а потому судить ее слѣдуетъ

¹⁾ Годъ въ письмѣ не указанъ.

не по тому, насколько она близка къ тому или иному пониманію Евангелія, а насколько она вѣрно передаетъ духъ ученія т. н. духовныхъ христіанъ.

Вопросъ о насиліи вовсе не главный вопросъ въ ученіи евангельскомъ. Это вопросъ второстепенный. Какъ же къ нему относятся духовные христіане? Большимъ заблужденіемъ было бы думать, что ихъ ученіе совпадаетъ съ толкованіемъ Толстого. Когда я говорю „духовные христіане“, я не имѣю въ виду ту или другую личность, а само ученіе. Такъ, напримѣръ, при сужденіи о духоборахъ, я не имѣю въ виду ни кавказскихъ, ни канадскихъ духоборовъ, ни Беригина, ни Воробьева, а имѣю въ виду духоборческіе псалмы—и то ученіе, которое изложено въ нихъ. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, меня вовсе не интересуешь то, что думаетъ П. И. или Сидоръ Петровичъ. Меня можетъ интересовать только *указаніе* того или другого на то, что въ духоборскихъ псалмахъ *не* заключается того, что я въ нихъ прочелъ.

Само собою понятно, что такого указанія никто изъ несогласныхъ не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать.

Теперь о моемъ личномъ взглядѣ на насиліе. Вопросъ о насиліи можетъ быть разбираемъ съ двухъ точекъ зрѣнія: утилитарно-механической и духовно-религіозной. Толстой, въ большинствѣ своихъ писаній, разбираетъ его съ утилитарно-механической точки зрѣнія, и, пока это ясно, я съ нимъ вполне согласенъ. Для культурнаго человѣка драка, физическая борьба, свалка имѣютъ мало привлекательнаго. Большинство сектантовъ, какъ люди болѣе культурные, порицаютъ драку; ихъ меньше она привлекаетъ. Они ищутъ „другихъ путей“.

Они также не любятъ судиться потому, что это „убыточно“. Это міровоззрѣніе выражается поговоркой: „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись“. Эта же мысль выражена и Матѣ. V, 25. Тутъ судъ и насиліе разбираются съ точки зрѣнія „утилитарно-механической“.

При разборѣ вопроса о насиліи съ этой „утилитарно-механической“ точки зрѣнія, между культурными, интеллигентными людьми нѣтъ разногласія; будь они толстовцы-анархисты или революціонеры-соціалисты—разногласія между ними нѣтъ.

Разногласіе получается тогда, когда вопросъ о насиліи разбирается съ духовно-религіозной точки зрѣнія. Вы, конечно, понимаете, что атеистъ-революціонеръ можетъ стоять на этой точкѣ зрѣнія, хотя часто дѣлаетъ это безсознательно, языкомъ отрекаясь отъ такой точки стоянія. Помните „Въ чемъ моя вѣра“: „а потому единственно *взвращающимися* людьми нашего времени“ и т. д., какъ писалъ Толстой.

Ну, такъ вотъ, что же получается, если на насиліе посмотрѣть или этотъ вопросъ разобрать съ точки зрѣнія не утилитарно-механической, а духовно-религіозной? А вотъ что: въ послѣднемъ подсчетѣ является вопросъ: можетъ или не можетъ человѣкъ ощущать въ своемъ сердцѣ, какъ заповѣдь Бога, какъ велѣніе Бога, призывъ къ употребленію насилія? Да или нѣтъ?

Вотъ въ этомъ мое коренное раздѣленіе съ Л. Н. Я отвѣчаю: „да, можетъ“. Онъ говоритъ: „нѣтъ, не можетъ“, и сворачиваетъ на механическо-утилитарные доводы—почему не можетъ (другихъ доводовъ — „духовныхъ“ — привести *нельзя*).

Второе разногласіе — второстепенное — это въ вопросѣ о *недѣланіи*. Къ этому вопросу приходитъ человѣкъ вслѣдствіе признанія насилія орудіемъ несовершеннымъ. И вотъ является вопросъ: долженъ-ли человѣкъ дѣйствовать несовершеннымъ орудіемъ, когда слышитъ голосъ Бога, призывающаго къ дѣйствию, или же долженъ *воздержаться*, оправдываясь тѣмъ, что у него нѣтъ совершеннаго орудія (притча „о талантахъ“)? Я говорю: „только *дѣйствуя* менѣе совершеннымъ орудіемъ, можно получить *болѣе* совершенное. Толстой *логически* приводится къ обратному и *долженъ* рекомендовать *недѣланіе*, т. е. *непослушаніе* голосу Бога“.

Въ заключеніе о политикѣ. Дракой *нельзя* завоевать свободы. Но при тѣхъ условіяхъ земной жизни, которыя мы всѣ знаемъ, *политическія права* могутъ быть добыты только *тѣми*, которые не откажутся отъ употребленія насилія.

Этой борьбой могутъ, конечно, воспользоваться и люди, *не признающіе* насилія, но этимъ они санкціонируютъ насиліе, ибо, признавая плоды добрыми, они и дерево должны признать хорошимъ. Чтобы быть послѣдовательнымъ, надо не пользоваться, а главное—*не нуждаться въ душѣ*, въ политическихъ правахъ. А кромѣ того надо быть анархистомъ—

христианиномъ не на словахъ или въ теоріи, а быть имъ на дѣлѣ, то есть быть нищимъ-бродягой, а никакъ не мечтать объ общинѣ и не заниматься хозяйствомъ. Долженъ Вамъ сказать, что я еще ни разу не встрѣчалъ толстовца — по типу, т. е. такого человѣка, который бы несъ толстовство не какъ обузу, не какъ тяжелую ношу. Я не отрицаю возможности таковыхъ, но говорю, что опытъ мнѣ доказалъ, что это ярмо, сшитое не по людямъ, такимъ людямъ, какихъ мы всѣ знаемъ. Ученіе Толстого—аристократично; своего рода кальвинизмъ (непослѣдовательный). Но дѣло въ томъ, что такихъ аристократовъ — такой „соли земли“—что-то не видно.

Я очень радъ, что у Васъ все благополучно. У насъ тоже все, слава Богу, спокойно. Бѣда только, пчеламъ совсѣмъ взятка нѣтъ. Даже приходится беспокоиться о томъ—выживутъ ли онѣ. По хозяйству работъ много. Хлѣба незавидные. На безтолочныхъ поляхъ очень плохи. Пудовъ по 20—30 больше на десятинѣ не будетъ, а арендная плата больше 30 руб. за десятину. Кормлю немного шелковичныхъ червей. Дѣлаю пробу.

Какъ ни старался писать „короче“, а все же вышло предлинное письмо. Если моя точка зрѣнія Вамъ непонятна, то напишите. Только скажите, какъ Вы относитесь, какъ отвѣчаете на вопросъ: „можетъ или не можетъ человѣкъ призывъ къ употребленію насилія ощущать въ сердцѣ своемъ, какъ заповѣдь или голосъ Бога?“

Всего лучшаго. Крѣпко жму Вашу руку. Д. Х.

Р. С. Ц. В. Вамъ кланяется.

8 января 1912 г.

II.

Дорогой Я. И., вчера получилъ Ваше письмо. Очень былъ ему радъ. Радъ, что Вы въ добромъ здоровьѣ и меня не забыли. Я живу на хуторѣ. Занимаюсь хозяйствомъ. Къ несчастью, за послѣднее время приходилось часто разѣзжаться по дѣламъ, что утомительно и суетно. На масляницѣ думаю быть въ Полтавѣ. Адресъ мой тамъ: Европейская гостиница.

Теперь отвѣчу на Ваши вопросы: журналовъ англійскихъ я не получаю, но англійскихъ книгъ у меня много. Я съ

удовольствіемъ прислалъ бы Вамъ англійскихъ книгъ. Только напишите мнѣ, какія книги у Васъ есть. Объ эсперанто имѣю самое смутное представленіе.

По правдѣ сказать, эта затѣя мнѣ не особенно по душѣ и именно вслѣдствіе ея искусственности. Строго говоря, она противорѣчитъ смыслу и духу Евангельскаго ученія.

Это многими не замѣчается вслѣдствіе того, что эсперанто какъ будто бы служить къ единенію людей и способствуетъ ему.

Но вѣдь надо еще подумать и о томъ: *какъ* способствуетъ? Не вводитъ ли онъ такихъ методовъ единенія, которые ведутъ и приводятъ людей не къ христіанскому единенію, а къ другому рода единенію?

Вѣдь единенія разныя бываютъ: тѣлесныя, душевныя, духовныя, умственныя, сердечныя и т. п.

И вотъ въ зависимости отъ того, какъ мы понимаемъ евангельское ученіе, и *какого* рода единеніе мы считаемъ христіанскимъ, въ зависимости отъ этого, мы будемъ такъ или иначе относиться къ эсперанто.

Христіанство требуетъ единенія сердечнаго и духовнаго, и *утверждаетъ*, что если оно имѣется налицо, то *языку* люди научатся почти моментально. И, дѣйствительно, *опытъ* это подтверждаетъ. Гдѣ есть единеніе „во Христѣ“, тамъ люди *всегда* понимаютъ другъ друга.

Если же сердечнаго и духовнаго единенія нѣтъ, а люди хотятъ установить единеніе тѣлесное (ради удобства матеріальной жизни) и умственное,—дабы дать работу своимъ разсудочнымъ и умственнымъ способностямъ,—то, очевидно, надо „выдумать“ эсперанто.

Такой языкъ никогда не можетъ стать „народнымъ“ языкомъ. Не можетъ онъ стать языкомъ и широкихъ массъ. И это потому, что онъ искусственъ.—Не живой.

Успѣхъ эсперанто показываетъ мнѣ упадокъ „христіанскихъ“ тенденцій, ибо христіанство стремится къ установленію единенія сердечнаго и духовнаго. Такое единеніе никакой нужды въ эсперанто не имѣетъ.

Какъ на аналогическій примѣръ, могу Вамъ указать на слѣдующее: Евангеліе отвергаетъ разницу между еллиномъ и іудеемъ.

Но неужели же изъ этого слѣдуетъ, что новѣйшіи

„космополитизмъ“ имѣть что-либо общее съ христіанствомъ?

Если христіанство воспринимать „умственно и разсудочно“, то можно видѣть большое сходство между христіанствомъ и социализмомъ.

Но дѣло именно въ томъ, что нельзя, не слѣдуетъ воспринимать христіанство „разсудочно“, „утилитарно“, „материально“. Такое воспріятіе ведетъ къ полному и коренному искаженію христіанства.

Теперь о частномъ: группа лицъ въ Майкопѣ¹⁾—хочетъ установить единеніе съ людьми всего міра. Прекрасно. Христіанство именно этого и добивается.

Но, опять таки, остается открытымъ вопросъ: какъ, по-христіански, слѣдуетъ этого добиваться?

Отвѣтъ ясенъ и простъ. Такъ, какъ распространяется кругъ на водѣ.

Единеніе устанавливается сперва съ ближайшими сосѣдями, потомъ съ дальними.

Христіанскій методъ не допускаетъ „скачки“,—перескакиванія черезъ ближайшихъ, ради установленія единенія и съ отдаленными.

При такомъ методѣ „литература“, „органы печати“ и т. п. отступаютъ на задній планъ. Занимаютъ мѣсто „второстепенное“. Первое мѣсто занимаетъ непосредственное, сердечное общеніе съ людьми. Вотъ почему люди, понимавшіе, что всякому ученію соотвѣтствуетъ *свой* методъ распространенія, когда распространяли христіанство, остерегались „литературы“. И не потому, что она сама по себѣ негодна, а потому, что въ *данномъ* дѣлѣ она не пригодна.

Л. Н., избравшій литературный методъ для распространенія своихъ воззрѣній, тѣмъ самымъ на 99/100 умалилъ силу проникновенія въ массы своихъ идей. И это потому, что литературный методъ распространенія не соотвѣтствуетъ духу того ученія, которое онъ проповѣдывалъ.

Я слышалъ, что издается всемірный органъ на эсперанто. Поэтому я не могу видѣть особенной нужды въ основаніи второго такого органа.

¹⁾ Корреспондентъ кн. Д. А. Хилкова живетъ возлѣ Майкопа. М. Н.

Я даже никакъ не могу себѣ представить внутренней побудительной причины, руководящей основателями.

Не проще ли, узнавъ въ редакціи всемірнаго органа эсперантистовъ адреса эсперантистовъ, вступить съ ними въ переписку?

Если же имѣется въ виду распространеніе „идей Толстого“,—то, вѣдь, въ настоящее время сочиненія Толстого переведены на всѣ языки, и каждый человѣкъ, если того желаетъ, можетъ ознакомиться съ этими идеями на своемъ языкѣ.

Литературный методъ „единенія“ имѣетъ смыслъ не тогда, когда мы хотимъ установить единеніе, а когда хотимъ распространять и насаждать свои идеи, свои воззрѣнія. Мы тогда обращаемся, главнымъ образомъ, къ разуму людей и... „доказываемъ“.

Методъ же „доказательный“—есть методъ антихристіанскій.

Христіанству совершенно чужда „доказательность“. Христіанство „высказываетъ“ истину, и всякій, кто „отъ Бога“,—принимаетъ ее. Истина эта изложена въ Евангеліи.

Но предположимъ, что кто-нибудь получилъ „откровеніе“, значительно освѣщающее для него Евангельское ученіе. Прекрасно. Но зачѣмъ же это откровеніе печатать на эсперанто и затруднять себѣ изложеніе этого откровенія?

Да вотъ кстати: думаете ли Вы, что какой-нибудь художникъ нашего времени могъ бы написать художественное произведеніе на эсперанто?

Тотъ фактъ, что это невозможно, ясно показываетъ намъ, что такое эсперанто, каково его дѣйствительное значеніе, и какое мѣсто занимаетъ эсперанто въ жизни людей и въ дѣлѣ ихъ „просвѣтленія“.

Когда Л. Н. искалъ ключъ къ уразумѣнію Евангельскаго ученія и сталъ утверждать, что этотъ ключъ въ непротивленіи насиліемъ, чего ни одинъ простой человѣкъ признать не можетъ, такъ какъ это утвержденіе слишкомъ сильно противорѣчитъ его личному опыту о его собственномъ духовномъ ростѣ и указаніямъ его собственной совѣсти (непротнвленію насиліемъ, т. е. отрицанію насилія я придаю громадное значеніе, но, въ противоположность Толстому, полагаю, что отрицаніе насилія имѣетъ значеніе утилитарно-

материальное, но никакъ не духовно нравственное), онъ упустилъ изъ виду, что для уразумѣнія Евангельскаго ученія мы первымъ дѣломъ должны рѣшить вопросъ о томъ, что думалъ проповѣдникъ Евангельскаго ученія о *природѣ человека*. И только въ томъ случаѣ, если мы будемъ увѣрены, что судимъ о человѣкѣ такъ же, какъ судилъ проповѣдникъ Евангельскаго ученія, мы будемъ имѣть основаніе думать, что воспринимаемъ это ученіе такъ, какъ воспринималъ его проповѣдникъ. Ключъ къ познанію Евангелія: „Познай себя“.

Если „основа“ человѣка разумъ, то правило, заповѣдь и доказательство имѣютъ первостепенное значеніе въ жизни человѣка. „Мудрецы“, „разумники“ открываютъ, находятъ путь, а масса „человѣковъ“ слѣдуетъ за ними.

Если же основа, суть человѣка—въ живомъ чувствѣ, въ томъ, что называется „творчествомъ“, то учителя и указатели пути не нужны, ибо творчество свободно и *лично*. Я лично полагаю жизнь человѣка въ творествѣ. Безъ творчества нѣтъ и жизни. Всякое подражаніе есть духовная смерть. Жизнь же я себѣ представляю, какъ столкновеніе формъ творчества во времени и пространствѣ ¹⁾.

Столкновенія эти, то есть, значить, борьба есть принадлежность нашей земли и вытекаетъ изъ данныхъ условій земной нашей жизни.

Поэтому губительна не борьба, а отсутствіе творчества въ личной жизни человѣка. А потому, если основаніе всемірнаго органа на эсперанто въ Майкопѣ есть выраженіе „творчества“ и, *значить, ощущается какъ внутренняя необходимость*, то, конечно, я могу только это привѣтствовать.

И привѣтствовать, конечно, только, какъ доказательство наличности творчества, совершенно отбрасывая сужденіе о той формѣ, въ какую вылилось это творчество. О формѣ я уже сказала раньше.

Конечно, было бы предпочтительнѣй, чтобы и творчество вылилось въ болѣе соотвѣтствующую форму, какъ было бы

¹⁾ Въ этихъ словахъ чувствуется вліяніе Бергсона, съ его философій „творческой эволюціи“, которую † Д. А. изучалъ въ послѣдніе годы жизни. М. Н.

предпочтительнѣй, чтобы любовь къ правдѣ не выражалась въ дракѣ. Но это, конечно, не въ нашей власти.

Ну, пока до свиданія. Крѣпко жму Вашу руку. Если напишете мнѣ, буду очень радъ.

Д. Х.

III.

7 февраля 1912 г.

Дорогой Я. И., письмо Ваше получилъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, книгъ по теософіи не оказалось. Какія есть, то съ нежелательнымъ духомъ стремленія къ „чудесамъ“, что мнѣ лично очень противно. Вы, конечно, знаете романы Крыжановской и Всеволода Соловьева. Ну, такъ вотъ, всѣ эти Симоны и Ледбитеры ¹⁾ того-же поля ягоды. Прообразъ ихъ: „Симонъ Волхвъ“. Этимъ людямъ интересна мудрость лишь постольку, поскольку они надѣются „развить въ себѣ скрытыя силы“.

Какъ Вы, конечно, знаете, и Блаватская, хотя очень талантливая и начитанная женщина, не разъ прибѣгала къ грубымъ и пошлымъ обманамъ публики, утверждая, на примѣръ, что „духи“ или ея учителя-Тибетинцы посылаютъ ей папирски въ тѣхъ случаяхъ, когда ей случалось забывать дома свой портсигаръ! Я выписалъ нѣсколько книжекъ изъ Лондона. Когда онѣ придутъ, сообщу Вамъ ихъ названія и содержаніе.

Я всетаки не понимаю, кто и къ кому обратился съ воззваніемъ. Вѣдь само воззваніе совершенно неопредѣленно. Изъ Вашихъ словъ выходитъ, что основывается родъ теософическаго общества. Вы, конечно, знаете, *какъ оно, т. е. Теософическое общество опредѣлило смыслъ своего основанія.*

И мнѣ кажется, что было-бы практичнѣе примкнуть къ Теософическому обществу, чѣмъ основывать свое.

Насколько попытки объединенія достигаютъ цѣли, пока зываетъ исторія Теософскаго общества. И еще замѣтите: Теософское общество и всѣ русскія секты глубоко чтутъ Ап. Павла. Толстой же очень непріязненно къ нему относится. Какъ же къ Ап. Павлу относятся въ Майкопѣ? Если „непріязненно“, то это значитъ, что „общенія ни съ теосо-

¹⁾ Павѣстные теософы. М. Н.

фамн, ни съ сектантами *быть не можетъ*“, какія бы сладкія слова другъ другу ни говорились.

Мнѣ все больше и больше открывается, что Л. Н. „разъяснилъ“ ученіе Христа именно въ томъ смыслѣ, какъ нашъ Сенатъ „разъясняетъ“ избирательный законъ. Л. Н. основалъ свое пониманіе, и если это его пониманіе назвать религіей, то, значить, „свою религію“.

Отношеніе же Л. Н. къ христіанству такое же, какъ и отношеніе христіанскихъ социалистовъ. И поскольку христіанскіе социалисты далеки отъ Христа, постольку же далеки отъ него *въ своемъ ученіи* и Л. Н.

М. Сем. былъ въ Л.—нѣ на обсужденіи „Новой формы поселенія на землѣ“. Послѣ этого я его не видѣлъ. Я лично ни въ какую новую форму поселенія не вѣрю. Не вѣрю потому, что знаю, какъ трудно людямъ избавиться отъ „соблазна семьи“.

Какъ они этотъ соблазнъ украшаютъ и защищаютъ пышными, жалкими, красивыми и нравственными словами!

Перечитывая 19 гл. Матвѣя, я вижу, что „возъ и по сей день стоитъ на прежнемъ мѣстѣ“.

Если новая форма поселенія—вино, то семья, воистину,—старые мѣхи. Выводъ ясенъ.

Кто говоритъ объ общинѣ серьезно, а не шутки ради, тому пора понять, что одно изъ двухъ: 1) или откажитесь отъ общенія половъ, на подобіе шекеровъ, или 2) упраздните семью, на подобіе т. н. „библейскихъ христіанъ“ (проповѣдь Нокса) 1).

Всякія другія „общины“—это игра словами, плодящая раздоры и вызывающая въ челоуѣкѣ все худшее, что въ немъ есть.

И еще замѣтите: мы знаемъ хорошее житье „сообща“ и у духоборовъ, и у другихъ сектантовъ. Почему это ничего подобнаго никогда не достигали т. н. толстовскія общины, которыхъ вѣдь было немало?..

Для Б. христіанство есть „разумное міровоззрѣніе“, дол-

1) Извѣстный шотландскій кальвинистскій реформаторъ и глава пресвитеріанской церкви. Перевелъ Библию на англійскій языкъ († 1572).

женствующее установить царство Божіе на землѣ—внѣдреніемъ въ человѣческіе мозги извѣстныхъ правилъ.

Для меня христіанство есть откровеніе, устанавливающее сыновнія отношенія между тварью и Творцомъ. Съ точки зрѣнія „разумнаго міровоззрѣнія“ это—„безуміе“. Но безуміе это призвано побѣдить разумность міра. Я, конечно, стою не за глупость. И слово „безуміе“ для меня не равнозначашее слову „глупость“.

Я говорю именно о томъ „безуміи“, которое можетъ быть названо нищетой духа.

Нищета же духа, если мы обратимъ вниманіе на время, мѣсто и обстановку, при которой было употреблено это выраженіе, значитъ по смыслу именно то, что значитъ фраза: „сокрыто отъ мудрыхъ и разумныхъ и открыто младенцамъ“.

Причемъ, конечно, надо понимать, что, говоря о младенцахъ, имѣется въ виду „ихъ отношеніе къ жизни“, а не то, что они не ходятъ на войну или не рожаютъ дѣтей. Такое пониманіе съ духовной, внутренней, психологической точки зрѣнія просто „нелѣпо“.

Ну, до свиданія. Страшно длинное письмо.

Крѣпко жму руку. Д. Х.

Напишите же мнѣ, что Вы дѣлаете? Чѣмъ заняты?

25 февраля 1912 г.

IV.

Дорогой Я. И., только что получилъ Ваше письмо и спѣшу отвѣтить, зная, что письмо вызываетъ письмо.

Я приобрѣлъ въ Петербургѣ книгу Раджи Юга (2-е изданіе) и половину прочелъ. Я слышалъ о томъ, какъ Вы вылѣчились отъ головной боли. Я думаю, что отрицательное отношеніе къ такого рода лѣченію основано на суевѣріи.

Въ настоящее время такого рода суевѣріе начинаетъ исчезать. Недавно мнѣ пришлось говорить съ молодымъ врачомъ объ этой книгѣ и о Вашей головной боли. Онъ записалъ названіе книги, говоря, что приобрететъ ее и прочтетъ.

30 лѣтъ тому назадъ такой случай былъ бы почти невозможенъ. Конечно, и теперь „образованнаго“ суевѣрія и обра-

зованнаго варварства хоть отбавляй. Доказательство — хотя бы въ отношеніи образованныхъ людей къ „холерѣ“ и къ эпидеміямъ вообще. Но все же 30 лѣтъ тому назадъ происходило нѣчто еще болѣе „удивительное“. Теперь, правда, усилилась у нихъ „боязнь смерти“. Теперь они склонны признавать „Смерть“ единой реальностью (смотри свидѣтельство объ этомъ Леонида Андреева). Но все же надо сказать, что теперь они лучше усвоили и яснѣй понимаютъ, что такое наука. Кромѣ того, стали скромнѣй и уже не такъ склонны утверждать, что „всѣ законы природы имъ извѣстны“, перестали отвергать факты и вообще стали спокойнѣй и менѣе догматичны.

Программу я читалъ. Не написалъ о ней, т. к. не понимаю. А думаю, что не понимаю потому, что понялъ ее въ томъ смыслѣ, что стремленія вашей группы тѣ же, что и стремленія Теософическаго Общества. Но если бы это было такъ, то учредители просто примкнули бы къ Т. Обществу, вмѣсто того, чтобы учреждать свое общество.

Всякому проявленію энергіи я сочувствую. Въ этомъ я вижу жизнь. Но я въ то же время не понимаю избранія труднаго пути, когда есть болѣе легкій. Мнѣ кажется, что самое простое и легкое въ данномъ случаѣ, это—примкнуть къ Теософ. Обществу. Если же люди этого не дѣлаютъ, то, значить, имѣютъ другія, не тождественныя съ задачами Т. Общества, задачи. Значить, я не понимаю инициаторовъ группы. Поэтому ничего не могу сказать о программѣ. О христіанствѣ я написалъ потому, что предполагалъ, что инициаторы группы—друзья и послѣдователи Л. Н. Толстого.

Еще разъ прочелъ программу, которую Вы мнѣ прислали. Я думаю, что главный ея недостатокъ въ ея полнотѣ и совершенствѣ.

Я думаю, что ея широта, полнота и совершенство сдѣлаютъ то, что на практикѣ она окажется „не отъ міра сего“.

Еще мнѣ кажется, что искусственное—помощію эксперанто—отстраненіе „народныхъ массъ“ отъ возможнаго съ вами единенія, суживая кругъ лицъ, къ которымъ вы обращаетесь, не поможетъ, а будетъ служить тормазомъ въ дѣлѣ нахожденія единомышленниковъ,

Въ настоящее время, мнѣ кажется, было бы цѣлесообраз-

нѣе и нужнѣй основать хорошую дешевую русскую газету, чѣмъ „всесвѣтлый органъ“. Я-имѣю въ виду „легальную“, вполне цензурную газету. Я, конечно, понимаю, что въ этой-то легальности и вся трудность. Ибо писать, „цензурно“ гораздо труднѣе, чѣмъ писать „нецензурно“. Совершенно по тѣмъ же внутреннимъ психологическимъ причинамъ „единеніе“ съ жителями Майкопа установить гораздо труднѣе, чѣмъ установить единеніе—письменное—съ жителями Бостона или Филадельфіи. На первый взглядъ это кажется страннымъ, но если серьезно вникнуть въ дѣло, то ясно видишь, что иначе и быть не можетъ.

Я думаю, что Леонидъ Андреевъ въ своихъ сочиненіяхъ, какъ „Жизнь человѣка“, „Анатѣма“ и въ особенности въ своей Исповѣди (Мои записки), раскрываетъ причину этого.

Я, конечно, понимаю, что „авторитеты“ Вамъ достаточно надоѣли. Говоря о Павлѣ, я имѣлъ въ виду именно его отрицательное отношеніе къ авторитетамъ (вотъ почему его такъ любятъ всякіе „сектанты“), и вижу съ удовольствіемъ, что Ваша группа слѣдуетъ его совѣту: „Все испытывай. Хорошаго держись“. Мнѣ кажется, что непереваживаніе слова „христіанство“ свидѣтельствуетъ о нѣкотораго рода печальной узости. Кромѣ того, оно свидѣтельствуетъ о такого рода внутреннемъ настроеніи или состояніи, которое противоположно тому, которое имѣлъ въ виду человѣкъ, сказавшій: „для чистыхъ—все чисто“. Тутъ я не могу не обратить вниманія на Ваши слова о томъ, что теософія „того и гляди приведетъ въ лоно Православной Церкви“. Ну такъ что же?

Вѣдь, боязнь этого свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣкъ воздвигъ въ сердцѣ своемъ мертвый кумирь, мертвый идолъ, а не Живаго Бога. Вѣдь, если у человѣка „Живой Богъ“, то къ чему бы ни пришелъ человѣкъ, все есть благо.

Конечно, нельзя человѣку прийти къ тому, что онъ отвергъ, но если люди называютъ старымъ именемъ то новое, которое онъ нашелъ, то что изъ этого?

Я, напримѣръ, не вижу причины, почему бы Вамъ или мнѣ не прийти въ „лоно Православной Церкви“, но, конечно, вижу, что это „лоно“ не можетъ быть тѣмъ же самымъ, какое мы оставили.

Я съ удовольствіемъ вспоминаю время, когда былъ понамаремъ въ Церкви и не пропускалъ ни одной службы. Я съ удовольствіемъ вспоминаю время, когда былъ военнымъ, толстовцемъ, революціонеромъ. Я никакъ не могу признать, что съ внутренней, духовной стороны—военщина выше понамарства; толстовщина выше военщины; революціонность выше толстовства и т. п.

Все это—внѣшнія выраженія (очень неясныя, смутныя и противорѣчивыя) чего-то одинаго, единственно важнаго и значительнаго, того, съ чѣмъ, въ послѣднемъ подсчетѣ, я и останусь. И если я подумаю о „будущемъ“, то не вижу никакого противорѣчія съ прошлымъ, если бы мнѣ довелось кончить жизнь свою въ православномъ монастырѣ (скажемъ, на Аѳонѣ) или въ сраженіи, на войнѣ. Я этимъ хочу сказать, что какое бы тутъ ни замѣчалось внѣшнее противорѣчіе, я не чувствую внутренняго противорѣчія. Я надѣюсь, Вы согласитесь съ тѣмъ, что для cadaго человѣка вся суть дѣла именно только въ присутствіи и отсутствіи этого противорѣчія, внутренняго чувства противорѣчія съ самимъ собой.

Многіе, ради возвеличенія того, что они называютъ разумѣніемъ, всегда старались и теперь стараются спутать человѣка, и для этого силятся представить это внутреннее противорѣчіе, какъ „Голосъ Духа“ и „Голосъ плоти“ въ человѣкѣ. Но мнѣ думается, что потребныя для этого „бѣлыя нитки“ настолько очевидны, что только тѣ, кто сознательно закрываютъ глаза, могутъ ихъ не видѣть. Всего хорошаго. Крѣпко жму руку.

Д. Х.

8 марта 1912 г.

V.

Дорогой Я. И., Вамъ пришлютъ изъ Петербурга на имя В. И. С—ва, по моей просьбѣ, книгу Лодыженскаго „Сверхсознаніе и пути къ его достиженію. Индусская Раджа Йога и христіанское подвижничество“. Вѣроятно, книга эта у Васъ есть, т. к. Вы и Ваши знакомые, какъ я слышалъ, давно интересуетесь „Раджа Йогой“.

Если эта книга у Васъ есть, то отдайте ее кому-нибудь

или пришлите мнѣ обратно. Я нечаянно увидѣлъ эту книгу въ Петербургѣ и на дняхъ просмотрѣлъ.

Пораженъ былъ сходствомъ моихъ воззрѣній на буддизмъ и христіанство съ воззрѣніями Лодыженскаго. Я думаю, что разница между буддизмомъ и христіанствомъ въ разности точекъ зрѣнія на міръ и на себя. Мнѣ кажется, что буддизмъ основывается и опирается на физику и интеллектъ, христіанство—на духъ и сердце (эмоціи).

Буддизмъ говорить: „поймите, что все Едино“.

Христіанство говорить: „почувствуйте, что все Едино“.

Съ точки зрѣнія разсужденія—буддизмъ имѣетъ преимущества. Съ точки зрѣнія „дѣла“, поступковъ, преимущества на сторонѣ христіанства.

Буддизмъ—это наука и философія.

Христіанство—это искусство и религія.

Конечно, можно сказать, что буддизмъ и христіанство ведутъ къ одному, но мы не должны забывать мнѣнія Бэкона, полагавшаго, что „немного естественныхъ наукъ отводить отъ Бога, много естественныхъ наукъ приводить къ Богу“. Не всѣмъ же дано усвоить много естественныхъ наукъ; потому для массы путь христіанскій, т. е. искусство и религія—болѣе пригоденъ, чѣмъ путь буддійскій—черезъ науку и философію. Состояніе современнаго образованнаго общества, какъ оно, на примѣръ, изображено у Андреева, показываетъ, что „Путь разума“ опасенъ, ибо отводитъ отъ жизни. Заставляетъ терять смыслъ жизни. Для меня, на примѣръ, задача человѣка и человѣчества сводится къ отвѣту на слѣдующій вопросъ, сводится къ рѣшенію слѣдующей задачи: „какъ, при разумѣ и не отрекаясь отъ него, не утратить смысла жизни“? Или другими словами: „какъ, при наличности разума и не отрекаясь отъ него, остаться свободнымъ сыномъ жизни“?

Когда я говорю о человѣкѣ, какъ о „свободномъ сынѣ жизни“, я этимъ предполагаю, что онъ можетъ имъ и не быть.

И дѣйствительно, мы видимъ и знаемъ, что человѣкъ можетъ стать рабомъ. Чего? Рабомъ разума. И рабство разуму приводитъ къ отрицанію жизни. Тѣ художники древности, мнѣніе которыхъ на этотъ счетъ я раздѣляю, представляли себѣ дѣло такъ: Въ длинномъ рядѣ—цѣпи живыхъ су-

щество, отъ амебы и до современнаго человѣка, былъ моментъ, когда въ одномъ изъ звеньевъ этой цѣпи возникъ разумъ и сознание. Въ этотъ моментъ возникъ *человѣкъ* и „человѣчество“.

Съ этого момента „существо, надѣленное разумомъ“, отдѣлило себя отъ всего сущаго и познало, т. е. раздѣлило все сущее на „добро и зло“. Понятное дѣло, что и отношеніе этого существа къ жизни стало другое. И вотъ, можно сказать, что съ одной стороны „разумъ“ далъ человѣку господство надъ всѣмъ, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы человѣкъ призналъ его господство, сталъ его рабомъ. Но что значить для человѣка стать рабомъ качества, способности, свойства? Это значить—перестать считать господиномъ саму жизнь. И, глядя съ этой точки зрѣнія, можно сказать, что свойство разума въ томъ, чтобы отманить человѣка отъ жизни. И вотъ въ Библии и говорится, что съ приходомъ разума, со времени вкушенія плодовъ „древа познанія“, *древо жизни* становится недоступнымъ для человѣка.

Но тутъ возникаетъ существенный вопросъ: кто увѣрилъ человѣка, что древо жизни стало недоступнымъ?

Оказывается, что въ этомъ увѣрилъ человѣка разумъ, а что на самомъ дѣлѣ это не такъ.

У человѣка есть другія свойства. И вотъ, одно изъ этихъ свойствъ, если не заглушено и не убито, и помогаетъ человѣку проникнуть къ древу жизни и поставить разумъ на ему подобающее мѣсто—не господина жизни, а слуги жизни. Это свойство человѣка называется „творчествомъ“, „вдохновеніемъ“, и всѣ люди обладаютъ имъ. Мнѣ очень интересно будетъ узнать, какъ Вамъ понравится книга Лодыженскаго. Жму руку.

Д. Х.

5 Апрѣля 1912 г.

VI.

Дорогой Я. И., получилъ Ваше письмо отъ 28 марта и прочелъ съ большимъ удовольствіемъ: съ удовольствіемъ потому, что, совѣтуя Вамъ просмотрѣть книгу Лодыженскаго, я именно и надѣялся на то, что она произведетъ на

Васъ то впечатлѣніе, которое произвела, что именно христіанскіе подвижники окажутся Вамъ „ближе“ мудрецовъ.

Вы опять таки совершенно правильно (по моему) указываете слабую сторону ученія мудрецовъ, то есть то, что это ученіе не для массы обыкновенныхъ людей, а опять таки только для своего рода маленькихъ мудрецовъ.

Этимъ недостаткомъ страдало и т. н. ученіе Толстого. Своими 5-ью заповѣдями Толстой проводилъ грань—черту (смотри Послѣсловіе къ Крейцеровой Сонатѣ). На одной сторонѣ „вышшіе“—исполняющіе заповѣди, на другой „низшіе“—не исполняющіе. Мнѣ много разъ приходилось указывать, что такая „постановка вопроса“ или „точка зрѣнія“ ничего общаго съ „благою вѣстью“ не имѣетъ, что это точка зрѣнія Ветхаго Завѣта, а вовсе не Новозавѣтная.

„Разказы Странника“ я не читалъ. Гдѣ можно ихъ достать? Очень характерно Ваше замѣчаніе о тѣхъ, „которые во всемъ этомъ видятъ Православіе“. Удивительная узость и „убогость“ мысли. Да и поверхностность поразительная, ибо: „что знаютъ они о Православіи?“ Не „фельетонно“ ли у нихъ знаніе объ этомъ?

И вотъ, на подобіе того, какъ для многихъ мысли христіанскихъ подвижниковъ, приведенныя Лодыженскимъ, могутъ быть новы и неожиданны, такъ, думается, и въ Православіи многіе натолкнулись бы на неожиданное, если-бы изучили его по первоисточникамъ, а не по „фельетонамъ“.

Карму-Югу читалъ съ удовольствіемъ и интересомъ. Но мнѣ кажется, что для большинства читателей „западниковъ“ она будетъ непонятна,—непонятна потому, что тонъ книги несомнѣнно „разумный“, „сознательный“, а это можетъ повести къ ея непониманію, ибо читатель въ большинствѣ случаевъ забудетъ, что Вивеканаанда вѣрилъ въ Нирвану, а потому неправильно его пойметъ. Пойметъ по своему, какъ *не* вѣрящій въ Нирвану.

Изъ всѣхъ опредѣленій и объясненій того, что такое Нирвана, мнѣ кажется самымъ простымъ и понятнымъ слѣдующее:

- 1) Реальность едина.
- 2) Наше сознательное *я* не есть наше истинное *я*.
- 3) Наше сознание дѣлитъ міръ на субъектъ и объектъ: на „я“ и „не—я“.

4) Велѣдствіе этого его свойства, для него (для нашего сознательнаго „я“) истинная единая Реальность непостижима.

5) Уничтожьте сознание, и Вы можете познать Реальность.

6) Это состояніе и называется „Нирваной“. Значитъ, Нирвана—„высшее бытіе“, но это высшее бытіе не только не связано и не зависитъ отъ нашего сознанія, но, напротивъ того, можетъ быть достигнуто только при условіи *уничтоженія сознанія*.

Сознательная „самость“, сознательное „я“—слѣпость и слѣпота. Уничтожьте эту слѣпоту, и Вамъ откроется Реальность, какъ всеобъемлющее вѣдѣніе и благо.

Я съ этими положеніями вполне согласенъ и думаю, что наша задача въ образѣ человѣческомъ состоитъ именно въ „преодолѣніи сознанія“, въ преодолѣніи „искушеніи разума“. Но какъ? Въ этомъ и вопросъ. Я разумѣю такое преодоленіе, при которомъ происходитъ не отказъ отъ разума, а происходитъ перемѣна въ нашемъ отношеніи къ разуму.

Находящіеся „въ плѣну“ у разума смотрятъ на него, какъ на своего Господа, и ждутъ отъ него спасенія.

Для таковыхъ разумъ—дьяволъ и искушитель.

Если же поставитъ разумъ на его мѣсто слуги жизни, а не ея Господина, то тогда роль разума мѣняется, и онъ дѣлаетъ жизнь шире, красивѣй, болѣе благой, что и требуется.

Во всемъ Писаніи разумъ именно и представленъ „дьяволомъ“. Все, что говорится о дьяволѣ, вполне приложимо къ разуму.

Благо, даваемое разумомъ, сопряжено съ опасностью потерять вѣру въ жизнь. И если это случается, то тогда про разумъ можно сказать, что онъ дьяволъ. Но если человѣкъ, не отказываясь отъ разума, преодолѣетъ его искушеніе, останется вѣренъ Жизни и Истинѣ, то тогда разумъ изъ дьявола обращается въ спасителя и просвѣтителя.

Вивекананда именно преодолѣлъ искушенія разума и говоритъ не о разумѣ-дьяволѣ, а о разумѣ-спасителѣ.

Но такихъ людей немного. Поэтому воздѣйствіе на людей и установленіе связи съ людьми не на почвѣ разума (ибо разумовъ *именно два*), а на другой почвѣ—вѣрнѣе, проще, и не можетъ повести къ недоразумѣнію.

Я думаю, что вся метафизика Священнаго Писанія именно только объ этомъ и говорить.

Первое положеніе Свящ. Писанія ясно и просто: „познаніе добра и зла—расчлененіе Единаго—ведетъ къ отчужденію отъ древа жизни.

Люди караются смертью, то-есть въ людяхъ, вслѣдствіе обмана разума, является представленіе о смерти.

2) Вслѣдствіе искушенія разума люди чувствуютъ свое отчужденіе отъ жизни (ангелъ съ огненнымъ мечемъ).

3) Благая вѣсть. Въ чемъ же она? Да въ томъ, что Спаситель говоритъ: „не вѣрьте разуму въ томъ, что небеса закрыты, то-есть что вы отдѣлены отъ жизни. Это обманъ разума, ибо *ему* не дано *познать* жизни (или, по буддійски, единой реальности — Нирваны). Но вы—не разумъ только, не только „сознаніе“. Ваше истинное „я“ вовсе не ваше сознательное я, а нѣчто другое. А потому для васъ „небо отверсто“. Вы не отчуждены отъ жизни. А *потому* смерти нѣтъ. Смерть есть измышленіе разума“. Я думаю, что если Вы со вниманіемъ и серьезно посмотрите кругомъ себя, то увидите, что кругомъ происходитъ какъ разъ то, о чемъ свидѣтельствуеетъ Писаніе.

И это не паденіе, или ошибка, или грѣхъ, а все это естественно, законно и неизбежно. Это *движеніе* всего живущаго „черезъ препятствія къ звѣздамъ“. Причемъ самое страшное препятствіе для людей—разумъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ смыслъ и значеніе жизни людей. Только съ тѣхъ поръ, какъ предъ „существомъ“ было поставлено *это* препятствіе, только съ этого момента явился „человѣкъ“.

У земляного червя своя задача, у человѣка—своя. Я думаю, что задача человѣка, съ точки зрѣнія Св. Писанія, можетъ быть выражена такъ: „какъ при разумѣ, и не отрекаясь отъ него, не утратить вѣру въ Жизнь“.

Ну, до свиданія. Всего хорошаго. Крепко жму Вашу руку. Д. Х.

Р. S. Я думаю, полезно для уясненія моей мысли о „задачѣ человѣчества“ разобрать это дѣло на примѣрѣ Иисуса Христа. Въ Писаніи сказано: „вы боги и сыны Всевышняго всѣ вы“.

Это значитъ: всё вы можете слиться съ единой Реальностью, то-есть найти и обнаружить свое настоящее „я“ (которое не есть „я“ разумаго сознанія), или, другими словами, вступить въ Нирвану.

Этому вступленію въ Нирвану мѣшаетъ разумное сознаніе, ибо по своей природѣ оно дѣлитъ міръ на субъектъ и объектъ, что есть ложь. Въ этомъ смыслѣ разумное сознаніе есть первоисточникъ лжи—отецъ лжи (дьяволъ). Оно и человѣкоубійца „отъ начала“, ибо черезъ него зародилось представленіе „о смерти“. Оно было причиной „утраты Жизни“. Оно лишило жизнь смысла.

На примѣрѣ искушенія Иисуса Христа въ пустынѣ мы видимъ методъ дѣйствія разумаго сознанія.

-е искушеніе. Представленіе или, *вспрыжкѣ*, чувство жизни вѣчной, которое имѣется на лицо въ каждомъ существѣ, замѣняется представленіемъ „жизни временной“, и внушается мысль, что для *продленія* жизни требуется чудо, что *сама* жизнь не обладаетъ свойствомъ вѣчности, внѣвременности, что жизнь по существу—конечна. Тутъ же ввертывается мысль о томъ, что „раньше, чѣмъ научить, надо накормить“.

II-ое искушеніе. Разумное сознаніе приглашаетъ человѣка признать разумъ господиномъ жизни земной. Въ первомъ искушеніи оно уже выставило положеніе, что другой жизни нѣтъ, что иная жизнь требовала-бы для своего осуществленія чуда.

III-ье искушеніе. Разумное сознаніе говоритъ человѣку: хорошо, ты отвергъ первыя два искушенія (для того, кто не отвергъ первыя два, третье лишнее,—что мы видимъ кругомъ себя), такъ будь же послѣдовательнымъ, убей себя, и ты только перейдешь въ лучшія условія, ничего не утратишь при этомъ.

Я утверждаю, что эти три искушенія типичны для разумаго сознанія, и что нѣтъ человѣка, который бы имъ не подвергался. Иисусъ Христосъ поборалъ эти искушенія тѣмъ, что Онъ не отрекался отъ разумаго сознанія, призналъ свое настоящее „я“ не въ разумагомъ сознаніи, а въ другомъ.

Черезъ это—разумное сознаніе изъ дьявола-искусителя превратилось въ *посланника* неба. „И отошелъ отъ Него

дьяволъ, и приступили ангелы“—посланники. Въ этой формѣ разсказано то, что я сказалъ выше другими словами.

Я еще утверждаю, что нѣтъ такого мѣста въ Евангеліи, гдѣ единственно разумный и согласный съ дѣйствительностью и личнымъ опытомъ всякаго человѣка смыслъ будетъ найденъ только въ томъ случаѣ, если подѣ словомъ „дьяволъ“ разумѣть разумное сознаніе. Не забывайте, что дьяволъ—разумное сознаніе—наивысшій изъ посланниковъ (ангеловъ) неба, что его функція, его работа можетъ быть пагубна *только* для того, кто поддается его искушенію, неправильно на него смотреть. Для тѣхъ же, кто не поддается искушенію, дьяволъ очень даже полезенъ. Ибо „преодолѣніе“ его подвигаетъ человѣка впередъ.

Въ этомъ смыслѣ люди-человѣки, по словамъ Ап. Павла, *выше* ангеловъ. Ибо ангелы не подвергаются этому искушенію, а потому не имѣютъ возможности преодолѣть, стать выше своего нынѣшняго состоянія.

Вступивши въ Нирвану, Будда пользовался разумнымъ сознаніемъ. И такое пользованіе *послѣ* преодолѣнія искушенія только полезно.

Но надо понимать, что разумное сознаніе въ роли господина и владыки жизни совсѣмъ не то же самое, какъ то же разумное сознаніе въ роли слуги жизни и Господа.

И въ этомъ все дѣло.

Есть масса мѣстъ въ Евангеліи, которыя именно это и разъясняютъ. Основное положеніе дано въ ученіи Спасителя о борьбѣ со зломъ (объ изгнаніи бѣсовъ). Фарисеи Ему говорили, что Онъ зломъ изгоняетъ зло. Онъ же объясняетъ, что это невозможно. Зло нельзя изгнать ни внѣшнимъ дѣйствіемъ, ни разумомъ. Оно изгоняется только силой Божіей, то-есть, той силой, которая стоитъ за поступкомъ и руководитъ имъ. Если это—сила физическая или сила разума, то такія силы не могутъ изгнать зла. Изгоняетъ зло только сила Божія. Безъ обладанія ею, т. е. безъ „посланничества“, нельзя *ничего* дѣлать. Когда же есть *посланничество*, то внѣшняя форма изгнанія зла (т. н. физическое насиліе) не имѣетъ значенія, хотя бы потопили цѣлое стадо свиней.

При посланничествѣ человѣкъ есть орудіе Высшей Силы. форма его дѣйствія зависитъ отъ его свойствъ. И не его дѣло „разсуждать“ и отказываться, подобно Іонѣ и Гелеону,

на томъ основаніи, что онъ слабъ и не можетъ дѣйствовать иначе, какъ „физическимъ насиліемъ“.

Въ данномъ случаѣ, т. е. при наличности посланничества, ссылка на то, что я, моль, не буду дѣлать, ибо не могу иначе дѣлать, какъ „физическимъ насиліемъ“, а Ты Самъ, моль, запретилъ физическое насиліе, есть дѣло и состояніе очень нехорошее съ точки зрѣнія Евангельскаго ученія. Жму руку. Д. Х.

PP. SS. Перечиталъ письмо и вижу, что надо кое-что добавить. Какъ видите, въ толкованіи „искушенія“ я замѣнилъ слова Толстого: „голосъ плоти“ словами и понятіемъ: „разумное сознаніе“. Я утверждаю, что нѣтъ ни одного человѣка, который бы серьезно утверждалъ, что ему были предъявлены подобныя искушенія „голосомъ плоти“, а всѣ люди скажутъ, что тутъ дѣйствовала не плоть, а нѣчто другое.

Еще обращу Ваше вниманіе на то, что говорить о томъ, что *плоть* совѣтовала себя убить, совершенно бессмысленно.

Плоть говорить самой себѣ или, скажемъ, духу: „убей меня!“ Да вѣдь это нелѣпо. А когда плоть „обжирается“, развѣ это она выдумала и придумала? Такъ думать нелѣпо. Вѣдь всякій знаетъ, что не плоть совѣтуетъ обжорство (пагубное для плоти), а нѣчто другое въ человѣкѣ *пользуется плотью*, какъ средствомъ (*во вредъ плоти*) для своего удовлетворенія. И, конечно, ведетъ къ разврату не плоть, а разумное сознаніе. Что есть развратъ? Развратъ есть извѣстное отношеніе къ извѣстной потребности. Такъ какъ *отношеніями* вѣдаетъ разумное сознаніе, то, понятное дѣло, плоть не можетъ быть развратной. Существо, не обладающее разумнымъ сознаніемъ, не можетъ быть развратнымъ. Развратнымъ можетъ быть только разумное сознаніе. И вотъ, дѣйствительно, мы видимъ, что разумное сознаніе пользуется и плотью, и чувствомъ, и духомъ для разврата.

Но изъ этого не слѣдуетъ, что плоть, чувство и духъ могутъ быть сами по себѣ развратны. Если Вы серьезно подумаете объ этомъ, то Вамъ не трудно будетъ найти тысячи примѣровъ того, какъ разумное сознаніе развращаетъ плоть, чувство и духъ, прививая имъ извѣстные навыки. Но изъ этого не слѣдуетъ, что когда мы видимъ развратный духъ, чувство или плоть, то должны забывать, что импульсъ былъ

данъ разумнымъ сознаніемъ. При такой забывчивости вся дѣйствительность извращается, и мы можемъ стать совершенно слѣпы. Всего хорошаго: Д. Х.

25 ноября 1913 г.

VII.

Дорогой Я. И., только что вернулся изъ Полт. губ. и получилъ Ваше письмо отъ 3-го числа.

Отъ проф. Л. я тоже получилъ письмо и очень сожалѣю, что не былъ дома во время его пребыванія у Ш.

Я очень радъ, что книга Дрюмонда Вамъ по душѣ. Есть сокращенный переводъ. Я выписалъ этотъ переводъ и, какъ только получу, вышлю Вамъ.

Мысль Дрюмонда въ высшей степени „православная“, а именно, что „сверхъестественное“ не противоестественно. Вы, навѣрное, замѣтили, что большинство (если не всѣ) невѣрующихъ трактуютъ сверхъестественное, какъ противоестественное.

Англійскую книгу вернете мнѣ тогда (посылкой въ Бѣлополье), когда она Вамъ будетъ не нужна.

Я, конечно, согласенъ съ Вами во всемъ томъ, что Вы пишете о дыханіи Духа и внѣшнихъ условіяхъ.

Собственно говоря, С. П. Пр. думаетъ совершенно такъ же, какъ Вы и я. Если въ письмѣ иначе, то это происходитъ отъ неясности изложенія.

Собственно говоря, всѣ такія „частности“, „правила“ и „исключенія изъ правилъ“ не могутъ служить причинами къ разногласію тамъ, гдѣ люди исповѣдуютъ однѣ и тѣ-же основы.

Наша „основа“—это положеніе о Богочеловѣчествѣ. Противники же наши исповѣдуютъ „человѣкобожество“.

Мы исповѣдуемъ Бога—личнаго. Говоримъ о „Лицахъ“ (св. Троицы).

Человѣкобожники исповѣдуютъ Бога безличнаго и говорятъ о „силахъ“, „атрибутахъ“ и тому подобномъ.

Но, конечно, многіе не отдають себѣ отчета въ томъ, что говорятъ.

Проф. Л. о первомъ Адамѣ и Евѣ—красивый образъ—и сходенъ съ Писаніемъ. По тексту „человѣкъ“, созданный по образу и подобию—несомнѣнно „мужчина и женщина“, т. е. существо, совмѣщавшее два начала.

Меня заинтересовалъ Вашъ вопросъ о дѣйствии „учителей“. Надо Вамъ сказать, что, когда я интересовался и изучалъ теософію, этотъ вопросъ о дѣйствии и вліяніи учителей меня очень смущалъ.

Меня удивляло и смущало „ихъ“ бездѣйствіе и безмолвіе.

Чтобы взять современный примѣръ: почему бы имъ не повѣдать правды объ убійствѣ Ющинскаго? Съ теченіемъ времени я понялъ, что „правда“ есть бремя и тяжесть, которая не всякому по плечу.

Или иначе: это сила. И сила эта можетъ быть не всякому вручена.

Во-вторыхъ, я какъ-то прочелъ изреченіе: „учителя *всегда* готовы дать отвѣтъ. Пусть будетъ готовъ ученикъ—и учитель явится и отвѣтитъ“.

Долгое время это изреченіе было мнѣ непонятно и неприемлемо.—Неужели же я не готовъ?—такъ мнѣ думалось.

Потомъ я убѣдился на дѣлѣ, на опытѣ, что изреченіе строго и точно соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то есть, что всякій, готовый выслушать отвѣтъ,—получаетъ его. Это дѣло опыта и опытной провѣрки.

Но въ то время, какъ разложеніе воды на кислородъ и водородъ доступно всякому, физически готовому къ опыту.—опытъ съ „отвѣтомъ“ зависитъ не отъ физической, а отъ духовной готовности.

Въ Полтавск. губ.,—куда я ѣхалъ на двѣ недѣли,—пробылъ 7 недѣль и очень усталъ. Радъ, что вернулся, и надѣюсь посидѣть, не „рипаясь“, какъ говорятъ хохлы. Въ Полтавѣ слѣдилъ за дѣломъ объ убійствѣ Ющинскаго и дивился малой устойчивости и серьезности нашего т. н. образованнаго общества. Оно готово пользоваться всѣмъ, чѣмъ угодно, для „драки“ и сведенія личныхъ счетовъ.

Дрались „Толстымъ“.

Теперь дрались трупомъ Ющинскаго. А какое имъ дѣло до Толстого, его ученія; до Ющинскаго или до вопроса о ритуальныхъ убійствахъ? Да никакого!

Кто изъ нихъ серьезно изучалъ всѣ эти вопросы? Сплошная предвзятость!

Будьте здоровы. Всего хорошаго.

Д. Хилковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).